

В. Л. Иванов

«МЕТАФИЗИКА» БАУМГАРТЕНА
В ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII В.
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

У философа, перевод одной из частей главного произведения которого мы представляем ниже читательскому вниманию, весьма необычная «посмертная слава»: его известность как для узкого круга специалистов в области истории философии, так и для современной образованной публики вообще, основывается не столько на том, что совершил он сам, сколько на том, как использовали его идеи и труды после него. Александр Готлиб Баумгартен — немецкий философ середины XVIII в., которого знают в настоящее время главным образом как основателя такой философской дисциплины как эстетика. В самом деле, он написал первое в истории философское сочинение под названием «Эстетика» (первая ее часть вышла в свет в 1750 г., вторая — оставшаяся недоработанной — в 1758 г.), он же первым предложил сам термин, ставший обозначением новой дисциплины: «aesthetica». Однако дисциплина, идею которой настойчиво предлагал в свое время ученому сообществу Баумгартен, дисциплина, призванная прежде всего восполнить пробел в общей системе философского знания, а заодно и включить в орбиту нововременной методической реформы знания предметы традиционной гуманистической пропедевтики, т. е. главным образом риторики и поэтики, дисциплина, которую сам Баумгартен ясно и отчетливо определял как «науку чувственного познания» (Aesthetica § 1), имела в его представлении вид необычайно далекий от привычной нам после Канта и романтиков теории искусства (или критики вкуса и гения). Отсюда и обычная «скромность» в описании заслуг Баумгартена: «он предложил название», «ввел в оборот термин», но подлинная современная эстетика возникает лишь у Канта и после него. Что же касается «Метафизики» Баумгартена, которая при жизни автора считалась его наиболее важным трудом, то ее и вовсе знают лишь

узкие специалисты, интересующиеся подробностями становления кантовской критической философии: Кант оставил много заметок (так называемых «рефлексий») на полях собственного экземпляра «Метафизики» Баумгартена и на приложенных к ней листах, — их-то и изучают историки философии, а заодно читают (если читают вообще) и тот труд, над которым размышлял юный (а потом уже и не очень юный) основатель трансцендентального идеализма.

Какова же причина подобной крайне «избирательной» современной известности Баумгартена? Предварительный ответ, который мы можем дать на этот вопрос, пожалуй, состоит в том, что Баумгартен был исключительно *школьным философом*, — философом, вся жизнь и научная деятельность которого была неразрывно связана с университетом и преподаванием в нем философии. В немецких университетах 40–60-х гг. XVIII в. доминировала та особая школа, которую современники и потомки называли «лейбнице-вольфовской», одним из основных представителей которой традиционно и считают Александра Баумгартена. Однако так случилось, что эта школа была последней значимой в общеевропейском масштабе школой философии, существовавшей в рамках традиционного, еще не реформированного целиком согласно новым критическим и гуманистическим идеям (в ходе так называемой «гумбольдтовской» реформы университетского образования) университета. В момент «взрыва Сверхновой»¹, т. е. той идеалистической революции в философии, которая произошла на переломе XVIII–XIX в., и которую мы традиционно считаем началом современности и обозначаем именами Канта, Гегеля, Шеллинга и др., была «взорвана» именно прежняя школа. Одним из ее «осколков», не подобранных и собственно не изученных современной историей философии, оказалось философское наследие Баумгартена. К этому добавляется еще одно обстоятельство. Одним из главных факторов, существенно затрудняющих изучение этого наследия, является то, что почти все труды написаны Баумгартеном на латыни — ученом языке той отчасти традиционной, отчасти уже нововременной школы, к которой он принадлежал. Этот универсальный язык школьного знания, господствовавший в западном университете с момента его основания в XIII в., начал забываться именно после и по причине исчезновения традиционного университета. Публикация перевода первой главы первой части «Метафизики» с латинского на русский призвана пробудить интерес философски образованной публики к этому важному звену философской традиции и, возможно, побудить исследователей предпринять изучение этого в своем роде блестящего образца рассмотрения предметов традиционного метафизического знания.

¹ Прославленный эпитет основателя *Konstellationsforschung* — немецкого исследователя философии кантианства и немецкого идеализма Дитера Хенриха.

Напомним, прежде всего, основные вехи жизни и академического пути автора². Александр Готлиб Баумгартен родился 17 июня 1714 г. в Берлине в семье лютеранского, пиелистски настроенного пастора Якоба Баумгартена как его пятый сын. Отец был неплохо образован и, в частности, владел обширной библиотекой, унаследованной позже будущим философом. В 1722 г. отец умирает, оставляя сыновьям небольшое состояние и обязав их в завещании получить университетское образование, избрав в качестве специальности лютеранскую теологию. Баумгартен воспитывается у бабушки по матери (мать умерла еще раньше, чем отец), причем деятельное участие в его воспитании принимает старший брат Зигмунд Якоб Баумгартен, впоследствии ставший очень известным теологом, пытавшимся примирить вольфовскую философию и евангелическую теологию, создав своеобразный вариант неопротестантской «просвещенной теологии». С 1722 по 1727 г. Баумгартен получает начальное образование под руководством Мартина Георга Кристгау, позднее ставшего ректором университета Франкфурта на Одере. Баумгартен увлеченно изучает латынь, древнегреческий и древнееврейский языки (все три необходимы для будущего теолога), причем он столь хорошо овладевает латинской риторикой и поэтикой, что в течение длительного времени сам сочиняет стихи на латыни. Осенью 1727 г. он переезжает в Галле, поступив в латинскую школу при так называемом «сиротском доме» Августа Германа Франке — известнейшего педагога, мецената и деятеля пиелистского движения. Галле в этот момент является центром евангелической теологии пиелистского толка, пребывание там — это подготовка к поступлению в университет, вначале на философский, а затем на теологический факультет, как было предписано отцом. В это время Баумгартен получает начальные сведения в теологии, медицине и праве, дополнительно старший брат Зигмунд Якоб преподает ему частным образом латынь и философию. Именно в это время Баумгартен впервые слышит о «вольфовской философии», которая с 1723 г. запрещена в Галле, — старший брат знакомит его с «немецкой логикой» Вольфа. В 1730 г. Баумгартен начинает учиться в Университете Галле, изучая философию, теологию и так называемые «прекрасные науки», т. е. поэтику и риторику. Также он дополнительно учит сирийский и арабский языки, занимается математикой, принимает участие в семинарах старшего брата (ставшего к этому времени адъюнкт-профессором теологии в университете) по политической философии, практической логике и теологии. Самое позднее в 1733 г., по свидетельству его ученика, младшего коллеги и позднейшего биографа и переводчика (с латыни на немецкий) Георга

² Ср. изложение в: Gawlick/Kreimendahl 2011, IX–XXX.

Фридриха Майера, Баумгартен начинает автодидактическим образом активно заниматься изучением философии Лейбница и Вольфа, читает труды Вольфа (прежде всего математические, а также латинскую логику), Бюльфингера (иногда его имя транслитерируют Бильфингер), Ройша. В это же время Баумгартен часто посещает близкую Йену, в университете которой — в отличие от Галле — философия Вольфа не была под запретом, где он слушает лекции по философии и математике таких «независимых» вольфианцев, как Иоганн Петер Ройш, Якоб Карпов и Генрих Кёлер. Именно в эти годы он принимает решение отказаться от теологической карьеры, и избирает путь профессора философии. В конце своего студенчества Баумгартен преподает в «сиротском доме» Франке логику и риторику. В 1735 г. он оканчивает университет со степенью магистра философии и публикует магистерскую работу «Философские размышления о некоторых вещах, относящихся к поэтике». После окончания университета он штудирует первую науку — метафизику, делая наброски к собственной будущей «Метафизике», первое издание которой и выходит в свет в 1739 г. Одновременно Баумгартен сначала как приват-доцент (а с конца 1737 г. как экстраординарный профессор философии) читает в университете Галле многочисленные лекции и ведет семинары по логике, метафизике, этике, естественному праву, философской энциклопедии и истории философии. В 1736 г. появляются первые признаки болезни, впоследствии сведшей его в могилу, — Баумгартен заболевает туберкулезом. Позже он не раз вынужден из-за болезни прерывать свою лекционную деятельность на семестр или на два, добываясь этим лишь некоторого улучшения своего здоровья. После публикации «Метафизики» двадцатипятилетний Баумгартен достигает цели любой академической карьеры, — он получает от прусского правительства место ординарного профессора философии и «прекрасных наук» в университете Франкфурта на Одере («Виадрина»). Начиная с весны 1740 г. молодой профессор преподает «все части философии», «учение о природе», науки о праве и обязанностях, филологию, еврейскую грамматику и даже ведет семинары по догматической теологии. В этом же году выходит в свет «Философская этика». В зимнем семестре 1742/43 г. Баумгартен впервые читает курс об «эстетике». Тогда же начинается работа над будущей книгой. В 1750 г. первая часть «Эстетики» выходит в свет, одновременно в третий раз переиздается «Метафизика». В 1751–55 — резкое ухудшение здоровья, перерывы в академической деятельности. В 1757 г. выходит в свет последнее прижизненное издание «Метафизики». В этом же году умирает старший брат Зигмунд Якоб. В 1758 г. по настоянию издателя Баумгартен вынужден согласиться на публикацию незаконченной второй части «Эстетики». В следующие три года он публикует «Начала первой практической философии» и «Лекции по логике на основании учения Хр. Вольфа». В начале 1762 г. здоровье Баумгартен-

на в очередной раз резко ухудшается и он умирает 27 мая в результате удара, не дожив даже до пятидесяти лет.

Как было упомянуто выше, молодой приват-доцент Баумгартен впервые прочитал в Университете Галле курс по метафизике в зимнем семестре 1735/36 г. и повторил его в зимнем семестре 1738/39 г. На протяжении трех лет Баумгартен перерабатывает свои записи, которые он диктовал студентам во время лекций, в книгу, впервые опубликованную осенью 1739 г. (предисловие датировано апрелем 1739 г.). «Метафизика» выдержала четыре издания при жизни автора, при каждом следующем Баумгартен вносил в основной текст небольшие изменения и исправления, кроме того он снабдил второе и третье издание отдельными предисловиями, которые печатались вместе с предисловием к первому изданию. Последнее прижизненное издание «Метафизики» Баумгартена, т. е. четвертое издание 1757 г., считается окончательным и является основой для всех позднейших переизданий и переводов, осуществленных как в XVIII в., так и в новейшее время. «Метафизика» оказалась наиболее успешной и знаменитой книгой Баумгартена, работой, которая принесла ему наибольшую славу у современников. За 40 лет она была напечатана семь раз (1739, 1743, 1750, 1757, 1763, 1768 и 1779), помимо этого, в 1766 г. Майер опубликовал свое «переложение» (т. е. относительно «вольный» перевод) этой работы на немецкий язык [Baumgarten 1766], которое было переиздано в 1783 г. Эберхардом. Поэтому «Метафизика» не без основания считается одним из главных документов немецкой философии в эпоху между Вольфом и Кантом, что же касается трактовки метафизической проблематики, то по значению с ней сопоставимы лишь сочинения Ламберта и Мендельсона, а по влиянию в университетской среде лишь метафизические сочинения самого Вольфа. Это тем более удивительно, что «Метафизика» Баумгартена является не чем иным, как *учебником*. Традиционно утверждается, что этот труд — просто учебник по вольфианской «первой философии». Насколько верно утверждение о вольфианстве, нуждается в отдельном обсуждении, но прежде нужно пояснить, что такое учебник или, если быть точным, *компендиум*, в рамках школьной философии конца XVII — середины XVIII в., иными словами, необходимо уточнить *жанр*, в котором создано это произведение, и кратко охарактеризовать *стилистику* изложения, специфическую именно для Баумгартена.

Все сочинения Баумгартена, за исключением лишь его ранней диссертации «Философские размышления», были результатом переработки материалов его собственных лекционных курсов и были предназначены, опять же, преимущественно для использования в академическом «учебном процессе». Поэтому все его сочинения, действительно, имеют характер учебника или по-

собия к лекциям. Как плакативно отмечают издатели современного перевода «Метафизики» на немецкий язык: «Философия Баумгартена — это философия, предназначенная не для мира, но для школы» [Gawlick/Kreimendahl 2011, XXXVI–XXXVII]³. Поскольку философия вообще, и метафизика в особенности, традиционно понимается до критической революции Канта как *наука*, т. е. как знание, подлежащее регулярной передаче от учащего преподавателя к обучающемуся студенту, то во время лекций по метафизике в немецком университете середины XVIII в. профессор, как правило, диктовал основные определения и положения, относящиеся к этой науке, тогда как студенты, слушающие его лекции, записывали надиктованное. Иногда преподаватель издавал специальные учебные пособия к своим лекциям (так называемые «acroamatические учебники»⁴, — от др.-греч. «acroasis» — «слушание», т. е. лекция). Именно к этому жанру научных произведений с полным правом может быть отнесена «Метафизика» Баумгартена. Об этом свидетельствует, в частности, переведенное ниже «Предисловие» к первому изданию, обращенное автором специально «к благосклонному *слушателю*», а не к читателю, как было бы естественно ожидать. Прежде всего своим слушателям, изучающим у него философию, посвящает эту свою «книжицу» Баумгартен, единственно «ради их пользы» он вверил бумаге свое изложение предметов метафизики. Иначе говоря, «Метафизика» — это трактат, первоначально предназначенный автором для помощи *студентам* при подготовке к лекциям. Позднее, когда это сочинение приобрело достаточно широкую популярность в университетских кругах, оно стало использоваться как учебник не только студентами, но и другими *преподавателями*, избравшими изложение метафизической науки Баумгартеном в качестве основы для чтения собственных лекций. Сравнительно широкое распространение в разных немецких университетах подобной практики чтения метафизического курса «по Баумгартену» (или «согласно Баумгартену») подтверждает свидетельство самого Баумгартена, который в конце предисловия к третьему изданию «Метафизики» 1750 г. благодарит своих коллег по университетскому сообществу за высокую оценку его труда, выражающуюся в этой практике (Baumgarten 1757, XLIII). Тем не менее, изначальная предназна-

³ Хотя сама характеристика восходит к замечанию М. Мендельсона о Баумгартене, однако современные издатели, как кажется, вкладывают в данное противопоставление философскую конструкторную, сформулированную Кантом («философия по школьному и по мировому понятию»). Поэтому данная оппозиция не может быть просто, без дополнительных условий, применена для понимания ситуации мышления самого Баумгартена.

⁴ Некоторые сочинения Баумгартена даже эксплицитно содержат в своем полном названии термин «acroasis». Ср.: *Acroasis logica; Initia philosophiae practicae primae acroamatice.*

ность к использованию в учебных целях сама по себе еще не объясняет полностью специфический характер «Метафизики» Баумгартена. Латинские трактаты Вольфа, «научным методом» излагающие метафизические науки в длинной серии томов и параграфов, также могли быть использованы для преподавания и, безусловно, использовались в это время в университетских курсах фактически. Трактаты Баумгартена однако отличаются от способа изложения Вольфа особой *краткостью*. Для количественного сравнения: латинская метафизика Вольфа состоит из шести книг (в семи томах), изданных в формате «in quarto», которые вместе насчитывают примерно 5400 страниц, тогда как «Метафизика» Баумгартена — это небольшой том форматом «in octavo», насчитывающий без предисловий всего лишь 406 страниц. Главное стилистическое отличие между ними состоит в том, что Вольф помимо текста самих параграфов, набранного более крупным шрифтом, добавляет в изложении пространственные разъяснения и примечания, напечатанные более мелким шрифтом, которые и занимают большую часть объема его книг. Баумгартен же не делает этого по той простой причине, что он написал не просто учебник метафизики, но *компендиум* этой науки. «Компендиум» (от лат. *compendium*) — это трактат или учебник (руководство), изложенный особо *кратким* или *сжатым* образом. Хотя сам автор не называет свою книгу компендиумом, публика восприняла ее именно как таковой⁵. Следует понимать, что сам *жанр* «компендиума» предполагает, что его содержание обязательно нуждается в развертывании, приведении примеров, разъяснений и иллюстраций. Именно так воспринимал «Метафизику» как сам автор, так и его ученые современники. Баумгартен упоминает в предисловии ко второму изданию «Метафизики», что он собрал на дополнительных листах, приложенных к его личному экземпляру этой книги, множество пояснений и примеров, пользуясь которыми он читает свои лекции по метафизике (Baumgarten 1757, XXVIII). Точно так же использовали «Метафизику» Баумгартена и его коллеги по цеху: помимо рефлексий и заметок на полях самого известного «комментатора» этого компендиума — Канта, в немецких библиотеках сохранилось множество «откомментированных» экземпляров этого сочинения, один из которых (экземпляр второго издания «Метафизики», хранящийся в университетской библиотеке Тюбингена под сигнатурой «Ac 18-AF») описывается издателями современного перевода «Метафизики» на немецкий язык Г. Гавликом и Л. Краймендалем следующим образом: «Прежний владелец

⁵ И публика восприняла ее как компендиум вовсе не бесосновательно: как мы покажем ниже, в силу особой лаконичности и сжатости стиля Баумгартена в сравнении с другими компендиумами метафизики его сочинение кажется образцовым воплощением самой идеи краткого руководства к лекциям.

переплел работу с дополнительными листами бумаги и присоединил к большинству параграфов написанные от руки разъяснения самого разного рода, которые, несомненно, были предназначены для академических занятий. Они включают в себя парафразы текста параграфов на латыни и на немецком, распространяют — иногда жестко следуя оригинальному тексту, а иногда и весьма свободно и вполне самостоятельно — ход мысли Баумгартена, эксплицируют особо трудные пассажи, углубляют изложение некоторых тем, содержат в себе ссылки на места из сочинений других философов, в которых обсуждается тот же самый предмет, приводят старую и новейшую литературу по поводу обсуждаемых проблем, наконец, содержат перекрестные ссылки на параллельные места в других изданиях книги. Эти заметки, по крайней мере, равны оригиналу по объему, если даже не превосходят его» [Gawlick/Kreimendahl 2011, XXXIX (Fn. 155)]. Иначе говоря, «Метафизика», согласно замыслу Баумгартена, — это своего рода «путеводная нить»⁶ для ориентации в метафизических предметах, двигаясь по которой профессор может в своих поясняющих лекциях преподавать студентам содержание этой науки. Этому замыслу автор следовал и при последующих переизданиях своего труда. Так, именно *дидактическими* целями он обосновывает изменения, осуществленные им во время подготовки второго и третьего издания книги; например, в предисловии ко второму изданию Баумгартен связывает более подробное членение материала на разделы с большим удобством восприятия этого материала слушателями (Baumgarten 1757, XXVII).

Конечно, Баумгартен был отнюдь не первым автором, преподававшим философию в протестантских университетах Германии и сочинившим «компендиум» метафизики для своих слушателей. Сочинения в этом жанре публиковались школьными философами, начиная буквально с возникновения самостоятельной традиции школьной метафизики в *протестантских* землях Империи: хельмштедтский философ Корнелий Мартини (1568–1621), бывший основателем этой традиции, публикует около 1605 г. свой «Метафизический компендиум», основанный на его лекциях по метафизике в университете Хельмштедта. Как в XVII, так и в XVIII в., в Германии было написано огромное количество таких кратких учебных пособий. Среди имен авторов этих компендиумов как почти забытые — Андреас Фромм, Каспар Эбель или Юстус Христиан Хеннингс, так и относительно известные — как, например, виттенбергский теолог и философ Иоганн Шарф с его «*Metaphysica exemplaris*» 1625 г. (переиздавалась семь раз вплоть до 1667 г.). И все же этот позднеперипатетический «Компендиум

⁶ Это сравнение содержится в конце предисловия к третьему изданию «Метафизики» (Baumgarten 1757, XLIII).

первой философии или метафизики»⁷ Шарфа, помимо определений или канонов (т. е. аксиом), также содержит в себе достаточно развернутые схолии и короллари. Кроме того, Шарф излагает на 366 страницах этого компендиума лишь то, что в вольфианской схематике разделения наук, которой придерживался и Баумгартен, соответствовало бы онтологии (т. е. первой части метафизики), тогда как предметы, относящиеся у Баумгартена к психологии и, отчасти, к натуральной теологии, и включаемые им в изложение метафизики, Шарф исследует в другом своем трактате — «Пневматика» (1629 г., с многочисленными переизданиями до 1670 г.). По замыслу, обоснованному прежде всего дидактическими, но отчасти и методическими соображениями, компендиум «Метафизики» Баумгартена, вероятно, ближе всего к сочинению другого знаменитого представителя протестантской схоластики XVII в. — «Компендиуму метафизики, сведенному в XXIV таблицы» (написан в 20-е гг., издан наследниками лишь в 1655 г., пять переизданий вплоть до 1686 г.) йенского профессора логики и метафизики Даниэля Шталя (1585–1654). Шталь был очень популярным преподавателем и, что немаловажно, учителем Якоба Томазия (учителя Лейбница). Лейбниц не просто знал этот компендиум, но даже работал с ним в студенческие годы, поскольку остались достаточно подробные заметки и комментарии Лейбница к компендиуму Шталя, сделанные им в 1663–64 годах⁸. Двадцать четыре таблицы Шталя⁹ графически представляют на 30 страницах всю общую метафизику — начиная от вводной таблицы о «конституции метафизики» и учения о сущем вплоть до последних таблиц с учением об истинном, благом и совершенном. Но даже этот, казалось бы, непревосходимый по своей краткости компендиум метафизики публиковался вместе с приложением: в издании 1686 г. за таблицами следуют так называемые «рассуждения о таблицах», иначе говоря, записанные слушателями разъяснения, которыми сам автор во время своих лекций комментировал определения и положения, содержащиеся в таблицах. Эти «рассуждения», занимая в книге 65 страниц «in folio», представляют собой четко структурированный и вполне развернутый, хотя и краткий лекционный курс. Мы не можем утверждать, что Баумгартен читал компендиум Шталя, поскольку, начиная с Вольфа, школьные протестантские философы считали себя «новыми» и в излюбленной манере «новых» обычно

⁷ Так трактат Шарфа назван не на титульном листе, но на первой странице, в начале собственно изложения.

⁸ Опубликованы в: Leibniz 1990, AA VI 1, 21–41.

⁹ Несомненно, что сама табличная форма изложения была заимствована автором из позднего рамизма, представители которого еще достаточно часто встречались в коллегиях и университетах западных земель Империи в 20–30 гг. XVII в.

недифференцированно противопоставляли себя «схоластам вообще», включая сюда и собственных предшественников — перипатетических метафизиков из немецких протестантских университетов XVII в. Однако вполне вероятно, что именно такие репрезентативные образцы жанра послужили ориентиром и для «нового школьного философа» Баумгартена. Рискнем высказать также следующее предположение: если бы до нас дошли подробные студенческие записи лекций Баумгартена по метафизике, которые он читал по данному компендиуму, то они составили бы книгу, примерно в 2–2,5 раза большую по объему, чем имеющийся у нас компендиум.

Нельзя не сказать еще несколько слов об индивидуальной стилистике ученого изложения Баумгартена в этом компендиуме. Сам Баумгартен очень удачно охарактеризовал свое сочинение в «Предисловии» к первому изданию как «сухой скелет метафизики»¹⁰, содержащий в себе лишь «сплетения умозаключений». Как мы показали, общую форму книге диктовал сам жанр компендиума, однако Баумгартен воплотил эту форму с необычайным талантом, методически доведя «компендиарное» изложение до крайнего совершенства. Единственное, что интересует его при изложении, это ясность понятий и четкая структура аргументации, он методически и дидактически избегает любых примеров и проблем, убирая из текста как отступления в мысли, так и все излишние «слова». Идеалом стилистики ученого изложения Баумгартена в «Метафизике» является максимизация представления понятийных и содержательных связей при одновременной минимизации «потраченных» на их выражение языковых средств (т. е. объема книги). При этом он блестяще пользуется предоставляемыми ему сжатой грамматической и синтаксической структурой латинского языка возможностями, доводя стилистику своей латыни подчас, как свидетельствуют жалобы современников, до границ понятности. Фактически, текст «Метафизики» является как бы собранием огромного количества определений, которые — посредством перекрестных ссылок — связаны друг с другом через своего рода доказательства или выводы. Текст компендиума конституирует «систему метафизики» в виде постоянно разворачивающейся сетки выведенных друг из друга понятий. Ирония исторической судьбы состоит в том, что именно эта сухая стилистика, ставшая позднее главным основанием для презрительных характеристик «абстрактной школьной метафизики» со стороны немецких идеалистов XIX в., более всего очаровывала современных Баумгартену читателей, — почти все

¹⁰ Эта самоироничная, но меткая характеристика оказалась крайне заразной для современников: почти ни одна рецензия на «Метафизику» не обходилась без того, чтобы ее автор не воспроизвел эту фразу Баумгартена. См. примеры в: Gawlick/Kreimendahl 2011, XXXVII–XXXVIII (Fn. 150).

отмечали строжайший понятийный строй и исключительную экономность письменного изложения как особые достоинства книги. Конечно, стиль этого компендиума, невероятно сжатая форма представления и связанная с этим трудность для понимания вызвали также немало жалоб и весьма ожесточенной критики¹¹, — особенно со стороны публики, увлеченной все более распространенной в это время в Германии с подачи Локка и французских просветителей так называемой «популярной» или «эклектической философии». Так, Гердер издевается над «табличным методом» Баумгартена, жалуется на «монотонность и бесплодность изложения», именует автора «сапожником от академии», у которого всегда под рукой «только одна колодка». Особенно порицает Гердер «варварский язык Баумгартена, его нео-латынь». Слушавший лекции Баумгартена Иоганн Пюттер, противопоставляя устное изложение письменному стилю автора в компендиумах, отмечает, насколько «темен и чрезвычайно лаконичен был этот ученый муж в своих учебниках, сочиненных на латыни». Даже ближайший ученик Баумгартена Майер отмечает «трудности в письменном стиле автора» компендиума, которые часто препятствовали ему (Майеру) в проведении лекций по метафизике, которые он читал на основании этого сочинения. Более того, по словам Майера в предисловии к его «Переложению» баумгартеновской «Метафизики» на немецкий, именно устранение этих трудностей в восприятии текста было основным мотивом для его перевода. С другой стороны, Майер отмечает «превосходную систематичность и глубину изложения» Баумгартена, советуя читателям, которым он кажется темным, не возмущаться, а просто приобрести привычку «думать» таким же образом. Мы можем, со своей стороны, лишь дополнить этот совет замечанием следующего рода: не стоит думать, что Баумгартен плохо знал латинскую грамматику и риторику, или был неискусным стилистом, что и привело к сочинению такой трудночитаемой книги. Противоположное доказывают как многочисленные свидетельства современников, слушавших его лекции вживую, которые превозносят его блестящую латынь и великолепные ораторско-преподавательские способности, проявлявшиеся в лекционном зале, так и, например, стилистика, в которой написаны «предисловия» к «Метафизике». Так, Карл Гюнтер Людовики, главный историк вольфианства, считает молодого Баумгартена одним из лучших латинистов эпохи [Ludovici 1738, 308]. Слушатели Баумгартена единодушно отмечают «живость и наглядность» его устного изложения. Знаменитый впоследствии издатель Фридрих Николаи утверждает, что по ясности и приятности стиля с Баумгартеном не сравнится ни один из многочисленных профессоров, которых он слушал

¹¹ Последующие высказывания современников приводятся по введению: Gawlick/Kreimendahl 2011, XL–XLI.

в свои студенческие годы [Nicolai 1799, 26f]. Иначе говоря, Баумгартен совершенно сознательно и умышленно сочинил свой компендиум в подобной стилистике. Более того, как показывает «Предисловие» к первому изданию, он даже заранее предвидел жалобы на «темноту» и критику за «оскорбления латинского слуха». Тем не менее, поскольку книга написана им согласно «суровым предписаниям философского стиля», он прямо отвергает в этом предисловии стилистические претензии: «...волочиться за Венерами слова, охотиться за всевозможными красотами, выражаться описательно, в обход принятых и одарённых гражданством метафизики слов, воздерживаться от пояснений, какие не выразил чистейшим своим языком Цицерон, признаю для нижеследующего избыточным, необходимым же сочтут это лишь те, чьи победы ограничены царством вокабул». Это же подтверждает свидетельство биографа Баумгартена Аббта, сообщающего в своей книге, что Баумгартен ожидал «обвинения в темноте и варварском способе выражения», но решил вытерпеть такого рода упреки «ради любви к философской точности». Согласно Аббту, сам Баумгартен говорил относительно сочинения «Метафизики»: «задолго до этого я сделал попытку выразить понятнейшую точность новых философов на чистой латыни; но это невозможно. Однако я думал, что призван к тому, чтобы точно показать связность всех сухожилий, мускулов и артерий в метафизическом теле, но не мог собрать старый латинский стиль выражения так, чтобы каждая часть отвечивала друг в друге должным образом. Поэтому я просто выбросил все украшения прочь» [Abbt 1780, 226]¹². Таким образом, хотя Баумгартен был превосходным знатоком и ценителем латинской классики (что хорошо видно в его «Эстетике») и даже сам сочинял поэмы на латыни, он напрочь отвергал «приятность» как критерий для оценки или требование к написанию философских трактатов. Философский трактат, по его мнению, вовсе не должен быть понятным для любого человека «с улицы», кто не приложил ни малейших усилий для собственного образования. Подобная традиционная «школьная установка» к знанию, к сожалению, слишком легко воспринимается после Просвещения и конца традиции школьной философии как «претенциозная элитарность и/или недемократичность». С другой стороны, следовало бы прислушаться к трезвому историческому суждению современного знатока вольфианской школьной философии Клеменса Швайгера: «Пожалуй, чем дальше уходили в прошлое основательное знание школьной терминологии вольфианства и понимание всего мыслительного горизонта этой школы, тем более расхожим становилось обычное огульное обвинение Баумгартена в том, что “его компендиумы чопорны, сухи и еле

¹² Цитируется по введению Гавлика/Краймендаля: Gawlick/Kreimendahl 2011, XLII.

понятны”» [Schwaiger 2011, 33]. Непонятности «Метафизики», естественно, способствовало то, что она сочинена на латыни. Здесь следует, однако, остановиться на одном обстоятельстве, которое часто считается теперь выдающейся заслугой Баумгартена. В последнем прижизненном издании «Метафизики» автор добавил к тексту многих (хотя и отнюдь не всех) латинских параграфов некоторые эквиваленты на немецком, предложив тем самым большое количество немецких соответствий традиционным латинским терминам для обозначения метафизических понятий. Вовсе не все эти немецкие эквиваленты закрепились в последующей истории в качестве философских терминов. Несмотря на это, Баумгартен (а также его ученик Майер, продолживший дело перевода латинской терминологии на немецкий) считается ныне одной из ключевых фигур в истории создания немецкого философского словаря терминов, а тем самым, и в «истории понятий», — после Вольфа, начавшего этот процесс, и до Канта, его по сути завершившего. Как кажется, эта попытка перевода философских терминов была неслучайной для Баумгартена, поскольку в последнем, частично подготовленном автором издании «Философской этики» он попытался предпринять такой же перевод и для этической терминологии¹³. С другой стороны, насколько нам известно, Баумгартен нигде эксплицитно не высказывается о целях и мотивах подобного перевода, поэтому крайне сложно оценивать философскую значимость этих усилий по созданию «национальной» терминологии. Возможно, он был просто озабочен падающим уровнем образования немецких студентов, которые хуже прежнего владели латынью, поэтому решил оказать им помощь своим переводом некоторых терминов. Во всяком случае, Вольф однажды приводит именно подобный аргумент как причину того, почему он стал сочинять свои первые трактаты на немецком. В нашем переводе мы решили отказаться от воспроизведения этих немецких эквивалентов под переводом основного латинского текста параграфов «Метафизики». Для широкой публики простое воспроизведение немецких терминов XVIII в. без перевода на русский не было бы понятным, а простой перевод в данных обстоятельствах был бы малоосмысленным. В рамках книги необходимо было бы давать перевод с немецкого и делать к нему подробное примечание, в котором воспроизводить оригинальный латинский термин, немецкий термин, и сопоставлять эквиваленты того и другого в русском переводе. Однако в ограниченном пространстве пу-

¹³ Кроме того, согласно свидетельству Майера в его предисловии к переложению «Метафизики» на немецкий язык, Баумгартен сам планировал перевести свой компендиум на немецкий. Правда, это свидетельство ничем не подтверждено и может рассматриваться в данных обстоятельствах (Майеру могло быть важно обосновать предпринятый им перевод выполнением собственной воли автора) как апокриф.

бликации перевода лишь первой главы из «Метафизики» мы сочли невозможным предпринимать подобного рода работу.

Наконец, стоит сделать еще одно замечание, касающееся не столько стилистики, сколько более существенной — *методической* стороны изложения Баумгартена в «Метафизике». Методический идеал метафизики и шире — философии вообще — как *доказательной науки*, унаследованный Вольфом и Баумгартеном главным образом от Декарта и картезианства, определяет форму изложения Баумгартена дополнительно к вышеописанным жанровым канонам учебного пособия (традиционного компендиума), а именно: прежняя, «до-нововременная» перипатетическая школьная метафизика, — безусловно, у католиков, но по большей части также и у протестантов, — не ограничивалась «производством» учебников. Обязательной формой трактатов были *исследования (quaestiones)* и *диспутации*. Упомянутые выше лютеранские философы Шарф и Шталь, помимо компендиумов, публиковали и диспутации, и обширные трактаты-исследования, в которых также обсуждали позиции современных и прошлых ученых. Иначе говоря, школа — несмотря на конфессиональную разделенность — до некоторой степени сохраняла свое единство — концептуальное, терминологическое, проблемное. В новой — нововременной школе Вольфа диспутации и исследования проблем исчезают под давлением методического требования рациональности и демонстративности любого философского знания. Если методически выполняется требование, что метафизика есть/должна стать/будет наукой, метафизический трактат приобретает форму исключительно *доказательного изложения* уже найденного (автором) научного знания. Поэтому «Метафизика» Баумгартена, как и «Онтология» Вольфа, содержат лишь определения и аксиомы, а также их доказательства, но не вопросы и исследования или диспутации. Диспутация же начинает пониматься в основном как полемика с «ненаучными мнениями» противников, а не как обсуждение *общих* (в самом широком смысле общности) для школы проблем. Именно в этом методическом аспекте Баумгартен почти ничем не отличается от Вольфа, хотя жанровое своеобразие компендиума обуславливает то, что в трактатах последнего метафизические предметы присутствуют в большем объеме и многообразии, чем в компендиуме первого.

Баумгартен традиционно считается в истории философии представителем «вольфианства»¹⁴. Насколько это оправдано? Казалось бы, сам Баумгартен называет в Предисловии к первому изданию «Метафизики» свои источники —

¹⁴ Например, такова оценка Кассирера в его «Философии просвещения». См.: Cassirer 1973, 453.

Лейбница, Вольфа, Бюльфингера и Ройша. Однако именно вопрос о том, к какому из двух первых мыслителей ближе его собственное изложение метафизики, уже около сорока лет является предметом жарких дискуссий в исследовательской литературе. Сторонники позиции, что Баумгартен — скорее лейбницианец, чем вольфианец (прежде всего итальянский исследователь Марио Казула, выдвинувший характеристику Баумгартена как «лейбницианца в вольфианской одежде» [Casula 1973, 22]), приводят в подтверждение своей позиции следующие аргументы: сам Баумгартен неоднократно возражал, когда его пытались представить лишь как «последователя Вольфа»; Баумгартен никогда не был непосредственным слушателем лекций Вольфа и, скорее всего, даже не был с ним лично знаком (Вольф триумфально возвратился в Галле через несколько месяцев после того, как Баумгартен переехал во Франкфурт на Одере). Наконец, между Баумгартеном и Вольфом существует весьма значимое различие в плане восприятия двух центральных для метафизики Лейбница концепций — монадологии и предустановленной гармонии: если Вольф достаточно скептически относился к ним обоим и признавал их истину лишь в ограниченном смысле в качестве (недоказанных самим Лейбницем) гипотез, то Баумгартен признает за ними истинный характер без всяких ограничений¹⁵, а в предисловии ко второму изданию «Метафизики» он даже специально отмечает, что «изменил изложение предустановленной гармонии, как универсальной, так и психологической, превратив ее из гипотезы в теорему», т. е. в научное положение. Другие исследователи, как, например, Дж. Тонелли, а также Г. Гавлик / Л. Краймендаль и К. Швайгер считают подобную оценку «лейбницианства» Баумгартена сильно преувеличенной: «не может быть и речи о том, что Баумгартен восстановил чистейшим образом все лейбницевское учение» [Gawlick/Kreimendahl 2011, XXXI; LX]. Наконец, в самое последнее время были высказаны некоторые радикальные сомнения в осмысленности применения подобной классификации к метафизике Баумгартена вообще. А. Айхеле отстаивает тезис о «псевдо-вольфианстве» Баумгартена, а Урсула Гольденбаум аргументирует в пользу того, что ни Баумгартен, ни Майер вовсе не были вольфианцами в собственном смысле слова, а их учение представляет собой конгломерат из протестантской школьной метафизики, пиетизма из Галле и отдельных идей из психологии и эпистемологии Лейбница и Вольфа [Goldenbaum 2008, 267–281]. Нам представляется, что наиболее убедительной и взвешенной является позиция Швайгера, характеризующего Баумгартена как «самого оригинального и креативного мыслителя в вольфианской школьной традиции» [Schwaiger 2011, 23–26], иначе говоря, до-

¹⁵ См. в особенности § 463 «Метафизики».

статочного независимого вольфианца. Во-первых, хотя Баумгартен, безусловно, был, прежде всего, *школьным* философом, но принадлежал к школе, которая по своему существу относится уже к *Новому* времени. Независимость философского мышления, свобода и самостоятельность философского поиска истины задолго до фиксирования этих «максим просвещенного мышления», фактически, начиная с Декарта, принадлежали к канону абсолютных ценностей *новых философов*. Как бы ни был зависим Вольф содержательно в своих трактатах от школьной традиции, от Декарта и Лейбница, на уровне собственных деклараций он просто не мог объявить себя «лейбницианцем», тем более — схоластом-перипатетиком, но подчеркивал свою независимость и самостоятельность как философа. В то же время, он, а позднее и Баумгартен все еще продолжают существовать в рамках *традиции* школьной философии и метафизики. Отсюда понятно, что «оригинальный школьный философ» — это явление весьма типичное для раннего Нового времени (до конца традиции после Просвещения). Именно таковым и был Александр Готлиб Баумгартен. Далее, сам Баумгартен, рассказывая в «Философских письмах Алетеофила» о начале своих философских занятий, утверждает, что его «философское пробуждение» состоялось благодаря самостоятельному изучению сочинений Вольфа, которое он предпринял в попытке разобраться, насколько справедливы претензии к Вольфу со стороны пиетистов Галле (Baumgarten 1741. I, 3). Что касается специально «Метафизики», то в своем «Предисловии» к первому изданию Баумгартен неслучайно называет вслед за именами Лейбница и Вольфа еще два имени «блестящих реформаторов метафизики» — Бюльфингера и Ройша. Лекции последнего он слушал в Йене, а значение работ первого для него было едва ли меньшим, чем влияние самого Вольфа. Как сообщает Майер [Meier 1763, 16], во время подготовки к своему первому курсу по метафизике в Галле, а также во время работы над самой «Метафизикой» Баумгартен читал главным образом даже не сочинения Вольфа, но работу тюрингенского философа Георга Бернхарда Бюльфингера (1693–1750) «Философские разъяснения о Боге, человеческой душе, мире и общих свойствах вещей» (1725, четыре переиздания вплоть до 1768 г.). Бюльфингер был по образованию теологом и, по-видимому, знал (либо, по крайней мере, показывал это знание в своих работах) прежнюю школьную традицию лучше, чем Вольф, и был, по оценке современников, одним из наиболее интересных «*независимых* школьных философов» раннего вольфианства. Насколько он был вольфианцем, а насколько лейбницианцем, вопрос, в свою очередь, весьма запутанный и спорный, который мы здесь не будем пытаться решать. Кстати, не стоит забывать, что первоначальная популярность Вольфа основывалась исключительно на его меньших по объему и разработанности немецких трактатах (до 1727 г.), так что работа Бюльфингера, опубликованная на латыни,

изначально воспринималась по отношению к Вольфу как вполне самостоятельная и, по крайней мере, не просто «ученическая». Некоторые историки отмечают, что качество латинского изложения Бюльфингера превосходило качество латыни Вольфа, что также могло быть немаловажно для увлеченного латиниста Баумгартена. По свидетельству Аббта, Бюльфингер настолько сильно повлиял на молодого Баумгартена, что он даже подражал в своих предисловиях к «Метафизике» его стилю [Abbt 1780, 224]¹⁶. В любом случае, показательным является то, что авторы, на работы которых по преимуществу ссылается Баумгартен в своих сочинениях, это, прежде всего, самостоятельные представители школы Бюльфингер или Ройш, а не верные «вольфианцы», посвятившие себя главным образом разъяснению и изложению содержания трактатов «учителя» в более доступной форме, — Тюммиг, Бауммайстер или Готшед¹⁷.

Что касается собственного влияния Баумгартена и его компендиумов, то можно кратко утверждать, что он был одним из самых популярных немецких профессоров¹⁸ философии и ученых авторов в 40–60 гг. XVIII в. Если исключить из рассмотрения обойденную вниманием современников «Эстетику», то его наиболее известные сочинения — «Метафизика» и «Философская этика» стали теми учебниками, на которых образовывалось несколько поколений виднейших представителей немецкой философии, науки и литературы. Среди изучавших философию по Баумгартену (будь то в университете, или самостоятельно) имена Гарве, Гердера, Канта, Ламберта, Лессинга, Майера, С. Маймона, Мендельсона, Фр. Николаи, Тетенса, Эберхарда, Винкельмана. Невозможно не сказать несколько слов об *особом* значении Баумгартена для самого известного философа в этом списке — Канта. Давно известно, что Кант в течение больше четырех десятилетий своей преподавательской деятельности (1755–1797) многократно читал лекции «по Баумгартену». Некоторые курсы, прочитанные им на основе «Метафизики» Баумгартена, сохранились в студенческих записях и опубликованы в 28 и 29 томах его академического «Собрания сочинений». Еще большей известностью среди исследователей кантовской философии пользуются уже упомянутые нами в начале «Рефлексии» и «Заметки» Канта к «Метафизике» Баумгартена (опубликованы в 17 и 18 томах академического

¹⁶ Цитируется по введению Гавлика/Краймендала: Gawlick/Kreimendahl 2011, XXXI.

¹⁷ Ср. оценку Швайгера: Schwaiger 2011, 26.

¹⁸ Первоначальная популярность Баумгартена основывалась, прежде всего, на его преподавательской деятельности. Как мы отметили выше, его лекции считались образцом точности и содержательности, а он сам — мастером в «искусстве убеждения» и преподавания. Майер оценивает количество слушавших его за годы его профессорства в Галле и Франкфурте на Одере студентов в несколько тысяч, что было по тем временам весьма изрядным числом.

«Собрания сочинений»), которые показывают «вызревание» критической революции мышления в зеркале отношения Канта к школьной трактовке предметов традиционной метафизики. Известны также превосходные эпитеты, которыми Кант награждал своего излюбленного автора: Баумгартен — «корифей метафизики» (AA I, 408) (в самой ранней работе Канта о метафизике — «Новое освещение первых принципов метафизического познания» 1755 г.), «превосходный аналитик» (это уже в «Критике чистого разума», В 35). Традиционно было принято считать, что Кант рассматривал свои лекции «по Баумгартену» как рутинную обязанность, а его выбор именно этого автора компендиума просто отражал господствующие в немецких университетских кругах того времени вкусы, и был, следовательно, лишь обычной, не имеющей никакого значения формальностью. Что подобная оценка не соответствует истине, можно было заключить уже на основании того обстоятельства, что Кант продолжал на своих лекциях «комментировать» Баумгартена даже в 80-е гг., когда уже стал прославленным «основателем критической философии». Однако после того, как в 1999 г. Рикардо Поццо опубликовал вновь найденные им расписания лекционных курсов в старом Университете Кенигсберга («Альбертина»), выяснилось, что выбор Кантом компендиумов для своих лекций совершенно точно не мог быть случайным или просто детерминированным традицией, — несмотря на общенемецкую популярность Баумгартена и Майера, в Альбертине в середине XVIII в. дела обстояли совсем иначе: «Кажется, что Кант был единственным, кто действительно читал в Кенигсберге логику по Георгу Фридриху Майеру; кроме того, он был первым и долгое время также единственным доцентом, кто читал метафизику и этику по сложному Баумгартену» [Oberhausen/Pozzo 1999, XXVI]. Иначе говоря, какие бы мотивы не двигали Кантом, его выбор «Метафизики» Баумгартена как компендиума для своих лекций был вполне осознанным и нетривиальным. В оповещении о своих лекциях в зимнем семестре 1765/66 г. Кант утверждает, что он выбрал компендиум Баумгартена «главным образом из-за богатства и точности его ученого метода» (AA II, 308). За девять лет до этого, в 1757 г. Кант выбирает вместо Баумгартена учебник метафизики Бауммайстера «по требованию некоторых господ-студентов», но отмечает при этом достоинства «более основательного, хотя и более сложного Баумгартена» (AA II, 10). Как видим, Кант вернулся к «более основательному» позднее.

Далее необходимо кратко представить содержание «Метафизики» Баумгартена и указать на некоторые особенности трактовки метафизических предметов в переведенном нами разделе этой книги. В классическом издании 1757 г. «Метафизика» содержит в себе «Предисловие» (к первому изданию, без указания того, что это именно предисловие к *первому* изданию); «Предис-

словие ко второму изданию», «Предисловие к третьему изданию»; далее идет «Синописис», т. е. обзорное содержание книги, затем сам трактат и, наконец, «Индекс», т. е. указатель важнейших понятий и тем по параграфам текста работы. Поскольку мы считаем, что никто лучше самого автора не может представить содержание его трактата, для начала приведем переведенный нами «Синописис» всего содержания «Метафизики» Баумгартена, а затем выскажем несколько замечаний о нем. В синописисе мы заменили плохо воспроизводимые буквы древнееврейского алфавита на арабские цифры со скобкой. Знакомиться с содержанием следует, читая слева направо; доходя до конца деления (до параграфов), стоит возвращаться вверх, к общему, а далее снова двигаться вниз и слева направо.

СИНОПСИС

I) Метафизические пролегомены §. 1–3.

II) Трактат

1. Часть I. Онтология

A) онтологические пролегомены §. 4–6.

B) трактат о предикатах сущего:

a) внутренних

α) Гл. I. универсальных

1) раздел I. Возможное §. 7–18.

2) раздел II. Связанное §. 19–33.

3) раздел III. Сущее, определения коего:

A) или реальности, или отрицания §. 34–36.

B) или внешние, или внутренние §. 37–38; а эти [последние]:

a) либо сущностные, либо свойства §. 39–66.

b) либо количества, либо качества §. 67–71.

4) раздел IIII. Одно §. 72–77.

5) Истинное, где:

A) раздел V. О порядке §. 78–88.

B) раздел VI. Об истинном §. 89–93.

6) раздел VII. Совершенное §. 94–100.

β) Гл. II. разделительных

1) раздел I. Необходимое и контингентное §. 101–123.

2) раздел II. Изменяемое и неизменяемое §. 124–134.

3) раздел III. Реальное и отрицательное §. 135–147.

4) раздел IIII. Единичное и универсальное §. 148–154.

- 5) Целостное и частичное, где:
 - А) раздел V. О целом и частях §. 155–164.
 - В) раздел VI. Первые принципы матезиса интенсивных §. 165–190.
 - 6) Субстанция и акциденция, где:
 - А) раздел VII. О субстанциях и акциденциях §. 191–204.
 - В) раздел VIII. О состоянии §. 205–223.
 - 7) Простое и сложное:
 - А) раздел VIII. вообще §. 224–229.
 - В) раздел X. в особенности (*speciatim*) о монаде §. 230–245.
 - 8) раздел XI. Конечное и бесконечное §. 246–264.
- b) Гл. III. внешних или относительных
 - α) раздел I. Тождественное и разное §. 265–279.
 - β) Одновременное (*simultaneum*) и последовательное, где:
 - 1) раздел II. Об одновременных §. 280–296.
 - 2) раздел III. О последовательных §. 297–306.
 - γ) Причина и причиненное:
 - 1) раздел III. вообще §. 307–318.
 - 2) в особенности, где:
 - А) раздел V. О действующей причине §. 319–335.
 - В) раздел VI. О пользе §. 336–340.
 - С) раздел VII. Об остальных родах причин §. 341–346.
 - δ) раздел VIII. Знак (*signum*) и означенное (*signatum*) §. 347–350.
2. Часть II. Космология
- А) пролегомены §. 351–353.
 - В) трактат о:
 - a) Гл. I. понятия (*notio*) мира
 - α) раздел I. утвердительном §. 354–379.
 - β) раздел II. отрицательном §. 380–391.
 - b) Гл. II. частях [мира]
 - α) раздел I. простых
 - 1) вообще §. 392–401.
 - 2) в особенности о духах §. 402–405.
 - β) сложных
 - 1) раздел II. О генезисе из элементов §. 406–429.
 - 2) раздел III. О природе §. 430–435.
 - c) Гл. III. совершенстве [мира] и его:
 - α) субъекте, каковой есть наилучший мир, коего обозревается (*observatur*):

- 1) раздел I. Идея §. 436–447.
 - 2) раздел II. Сообщение субстанций и системы экспликации этого сообщения §. 448–465.
- β) средствах
- 1) раздел III. естественных §. 466–473.
 - 2) сверхъестественных
 - А) раздел IIII. вообще §. 474–481.
 - В) раздел V. в особенности о гипотетической возможности сверхъестественных §. 482–500.
3. Часть III. Психология
- А) пролегомены §. 501–503.
 - В) трактат о психологии:
 - а) Гл. I. эмпирической; где о:
 - α) раздел I. существовании души §. 504–518.
 - β) способностях (facultatibus) души:
 - 1) познавательной
 - А) низшей
 - а) раздел II. вообще §. 519–533.
 - б) в особенности о:
 - раздел III. чувстве §. 534–556.
 - раздел IIII. фантазии §. 557–571.
 - раздел V. проницательности (perspicacia) §. 572–578.
 - раздел VI. памяти §. 579–588.
 - раздел VII. способности измышления (fingendi) §. 589–594.
 - раздел VIII. предвидении §. 595–605.
 - раздел VIII. суждении §. 606–609.
 - раздел X. предчувствии (praesagitio) §. 610–618.
 - раздел XI. характеристической [обозначающей] способности §. 619–623.
 - В) высшей
 - а) раздел XII. вообще об интеллекте §. 624–639.
 - б) раздел XIII. в особенности о разуме (ratio) §. 640–650.
 - 2) устремляющей (appetitiva)
 - А) вообще, где о:
 - а) раздел XIII. безразличии §. 651–655.
 - б) раздел XV. удовольствии и пресыщении (taedium) §. 656–662.
 - с) раздел XVI. устремлении и отвращении §. 663–675.
 - В) в особенности о:
 - а) раздел XVII. низшей. §. 676–688.

- b) высшей
1. раздел XVIII. О волении и неволении (noluntas) §. 689–699.
 2. О свободе, и ее:
 - A. предпосылках, т. е.
 - a. раздел XVIII. спонтанности §. 700–707.
 - b. раздел XX. выборе (arbitrium) §. 708–718.
 - B. раздел XXI. природе §. 719–732.
 - γ) раздел XXII. сообщении души с телом §. 733–739.
- b) Гл. II. рациональной, где о:
- α) раздел I. природе души §. 740–760.
 - β) раздел II. сообщении души с телом §. 761–769.
 - γ) раздел III. происхождении (origo) души §. 770–775.
 - δ) раздел IIII. бессмертии души §. 776–781.
 - ε) раздел V. состоянии души после смерти §. 782–791.
 - ζ) [о душе, если с ней] сравниваются не человеческие души
 - 1) раздел VI. зверей §. 792–795.
 - 2) раздел VII. [о душе в сравнении с] духами §. 796–799.
4. Часть IIII. Натуральная теология.
- A) пролегомены §. 800–802.
 - B) трактат о Боге
 - a) Гл. I. о понятии (conceptu) Бога, в которой рассматривается:
 - α) раздел I. существование Бога, к чему относится:
 - реальность §. 803–820.
 - единство §. 821.
 - истина §. 822.
 - необходимость §. 823–827.
 - святость §. 828–829.
 - субстанциальность §. 830.
 - всемогущество §. 831–837.
 - простота §. 838.
 - неизменяемость §. 839–842.
 - бесконечность §. 843–845.
 - единственность (unicitas) §. 846–848.
 - вечность §. 849–850.
 - бесстрастность (impassibilitas) §. 851.
 - природа §. 852–860.
 - непомерность (immensitas) §. 861.
 - непостижимость (incomprehensibilitas) §. 862.
 - β) раздел II. Интеллект [Бога и его]

- существование §. 863–865.
 объекты §. 866–878.
 безошибочность §. 879.
 субъективная достоверность (certitudo) §. 880–881.
 мудрость §. 882–888.
 всеведение §. 889.
- γ) раздел III. Воля [Бога и ее]
- 1) пропорциональность §. 890–894.
 - 2) свобода §. 895–899.
 - 3) неисследимость (imperscrutabilitas) §. 900.
 - 4) правильность (rectitudo) §. 901–902.
 - 5) благость
 - A) верность (fidelitas) §. 903–905.
 - B) справедливость
 - a) вознаграждающая §. 906–907.
 - b) наказывающая §. 908–916.
 - 6) беспристрастность (impartialitas) §. 917–918.
 - 7) честность (sinceritas) §. 919–925.
- б) Гл. II. о деяниях Бога:
- α) раздел I. О творении
 - 1) объект творения §. 926–941.
 - 2) раздел II. цель творения §. 942–949.
 - β) раздел III. О провидении
 - 1) сохраняющем §. 950–953.
 - 2) способствующем (concurrrens) §. 954–962.
 - 3) направляющем §. 963.
 - 4) злу
 - A) препятствующем §. 964–968.
 - B) [его] допускающем §. 969–970.
 - 5) правящем §. 971–975.
 - 6) раздел IIII. постановляющем §. 976–981.
 - 7) раздел V. открывающем (revelans) §. 982–1000.

«Метафизика» Баумгартена разделяется общим образом на метафизические пролегомены, части, главы и разделы и состоит в совокупности из 1000 параграфов. Что касается «пролегомен», то это некоторое общее вступление к изложению науки, в котором определяется ее предмет, цели и части. Традиция предварять научные трактаты «предварительными знаниями» (praecognita) или пролегоменами восходит к реформированным (т. е. кальвинистским) не-

мецким философам начала XVII в. — Варфоломею Кекерманну и Иоганну-Генриху Альстеду. Сам трактат метафизической науки разделяется Баумгартеном на четыре части: 1) онтологию; 2) космологию; 3) психологию и 4) натуральную теологию. Общее разделение метафизики на общую (генеральную или универсальную) и специальную восходит к началу XIV в. (проблематически обсуждается у Дунса Скота, эксплицитно — у Франциска де Маркиа, ОМБ), активно дискутируется в конце XVI в. (предложено разделение на две науки Б. Перейрой, ОИ, отвергнуто — Фр. Суаресом), а в XVII в. постепенно становится общепринятым, в особенности — у протестантов (как у лютеран, так и у кальвинистов). Споры вызывала в основном лишь следующая проблема: являются ли общая и специальная метафизика двумя частями одной науки, или же двумя разными науками. Неологизм «онтология» как синонимическое обозначение для метафизики впервые появляется в 1606 г. у Якоба Лорхарда (1561–1609), реформированного (кальвинистского) философа, заимствуется у него знаменитым марбургским профессором Гоклениусом, а как название именно *общей метафизики* используется (хотя и, по большей части, в греческой транскрипции) впервые, пожалуй, у знаменитого виттенбергского теолога и философа Абрахама Калова (1612–1686) в его «Божественной метафизике» (1640 г., множество последующих переизданий). Однако несомненно, что общеевропейскую известность *онтология* как фиксированное обозначение для «первой философии», т. е. *первой части* метафизики, получила после публикации в 1730 г. латинского труда Хр. Вольфа «Первая философия или Онтология, изложенная научным методом». Синонимами для «онтологии», как напоминает нам Баумгартен, являются: онтософия (название работы 1647 г. влиятельнейшего картезианца И. Клауберга), общая метафизика, первая философия (древнее аристотелевское имя этой первой мудрости), архитектоника (обозначение, встречающееся у Вольфа, но также восходящее к кальвинистским философам начала XVII в.) Само разделение всей метафизики на эти четыре части (или на четыре науки), безусловно, заимствовано Баумгартеном из Вольфа и/или Бюльфингера. Главной отличительной чертой вольфианского разделения является даже не обозначение первой философии как «онтологии», но, во-первых, появление так называемой *общей* (или трансцендентальной) *космологии* как второй части метафизики, т. е. науки, которая учит «о мире или универсуме вообще», а также о его свойствах. После того, как у Лейбница понятие *мира* или универсума (позаимствованное им у теологов-иезуитов XVII в., обсуждавших детерминированность связи свободных причин и всеведения Творца в общем порядке сотворенного мира) выдвигается в первый ряд метафизических понятий в рамках теории «предустановленной гармонии» и «*оптимально* сотворенного универсума», Вольф и, чуть иначе, Бюльфингер ввели в метафизику эту особую вторую науку/часть.

Вторым новшеством в этом разделении стало появление *психологии* как особого трактата о *человеческой душе* в составе метафизики, а также специфическое, введенное Вольфом разделение психологии на две подчиненные части или науки: *эмпирическую* и *рациональную* психологию. Традиционно в составе специальной или частной метафизики протестанты помещали трактат о Боге, ангелах и изредка об отделенной от тела (после смерти) человеческой душе. Иногда же эти предметы рассматривались в обособленной от метафизики науке — пневматике или пневматологии (науке о духах). Человеческая же душа (с ее способностями), т. е. душа в соединении с телом, согласно перипатетической школьной философии, могла в строгом смысле рассматриваться лишь в составе физики, поскольку как форма тела она не может быть абстрагирована по бытию от материи, а потому не подпадает под метафизическую абстракцию, конституирующую разграничение метафизики от физики. Соответственно, психология могла быть лишь особой частью физики. Впрочем, у некоторых особо мотивированных теологически лютеран (Бальтазар Майсснер) или гуманистически настроенных кальвинистов (Отто Касманн) встречалась в конце XVI — начале XVII в. и так называемая «антропологическая психология», т. е. особое учение о «человеческой душе», но она никогда не претендовала на место в составе метафизики. Соответственно, такое выделенное положение психологии как третьей науки или части метафизики в вольфианстве и у Баумгартена может быть объяснено лишь повсеместным распространением картезианской философии во второй половине XVII в.: именно Декарт, выдвинувший в качестве первого принципа своей метафизики «человеческий ум» и подразделивший конечные субстанции на мыслящие и протяженные, послужил инициатором того повышенного внимания, которое проявляла новая философия к «человеческой душе» и к ее связи с человеческим телом. Картезианство было невероятно популярно в конце XVII — начале XVIII в., а если учесть все возрастающее на континенте влияние Локка (во многом бывшего самым «оригинальным картезианцем» в новой философии), становится понятным всеобщее увлечение философским обсуждением эпистемологических и антропологически-этических аспектов темы «души и ее способностей», а также «сообщения души и тела». Ранний Вольф воспринял весьма многие темы своей философии именно из картезианства, а вовсе не от Лейбница (о чем сам неоднократно писал), по видимому, среди прочего, и интерес к психологической проблематике. Что касается Баумгартена, то он также отдает дань этому всеобщему увлечению: если по количеству параграфов психология (300) еще уступает онтологии (350), то по общему объему трактат о психологии в двух своих главах (эмпирической и рациональной) занимает первое место в «Метафизике» — 156 страниц против 110 страниц, посвященных онтологии. Кстати, влияние Декарта сказывается еще в

одном немаловажном аспекте: Баумгартен определяет метафизику вообще как «науку о первых принципах в человеческом познании» (*Metaphysica* § 1), Декарт именует первую, *метафизическую* часть «Принципов философии», — «О принципах человеческого познания» (AT VIII, 5).

Ниже мы публикуем перевод предисловия к первому изданию «Метафизики», а также общих пролегомен к метафизике, пролегомен к онтологии и *первой* из трех глав *онтологии*, т. е. текст первых 100 параграфов «Метафизики» Баумгартена. Выскажем ряд замечаний о его концепции онтологии и о содержании переведенной первой ее главы. Если мы, во-первых, сравним *определение онтологии* у Вольфа, Бюльфингера и Баумгартена, то можно отметить, что Баумгартен понимает предмет онтологии несколько иначе, чем его старшие коллеги по школе: Вольф определяет онтологию как «науку о сущем вообще или, поскольку оно есть сущее» (ср. *Ontologia* § 1), а также как науку о первых принципах и понятиях, используемых в рациональном познании. Бюльфингер уточняет это определение, добавляя, что онтология разъясняет сущее как сущее, т. е. *сущность*, — сущностью же, согласно ему, мы называем первое чтойностное *понятие* некоторой вещи или ее *возможность* (Bilfinger 1746, 6–7). Согласно же Баумгартену, онтология есть «наука об *общих предикатах* сущего» (*Metaphysica* § 4). Тем самым, он скорее наследует школьной традиции протестантской метафизики, часто определявшей первую философию или общую метафизику как науку «о трансценденталиях», т. е. о сущем и его трансцендентальных атрибутах или свойствах. Трансцендентальными терминами или атрибутами именовались *наиболее общие*, т. е. сущее и равные ему по общности понятия. Баумгартен просто включает сущее в этот ряд «общих предикатов», хотя оно является скорее *субъектом* всех таких предикатов. Иными словами, Баумгартен собирает в предмет онтологии то, что прежде было эпистемологически дифференцировано, а именно: подлежащее или субъект науки, т. е. понятие сущего; принципы сущего (сущность и существование); его свойства или атрибуты. Можно также истолковать это определение онтологии иначе: Баумгартен определяет ее, указывая лишь общую *сферу* (как бы собрание) ее *предметов*, а не собственный (или адекватный) предмет этой науки. С другой стороны, Баумгартен тут же связывает онтологию с метафизикой, вслед за Вольфом указывая, что онтология также рассматривает «первые принципы человеческого познания», поскольку общие предикаты сущего суть таковые первые принципы (*Metaphysica* § 5). Почему одни связаны с другими, — не указывает ни Вольф, ни Баумгартен. В традиционной схоластической эпистемологии эта связь обосновывалась через учение об абстракции понятий и об абстрактном познании интеллекта и его объекте. Новые философы, в том

числе Вольф и Баумгартен, мыслят, ориентируясь не на общность понятий, но скорее на порядок рационального *обоснования* знания «из принципов». Таким образом, вольфианская связь первого понятия сущего и первых принципов познания является своеобразным компромиссом между школьной перипатетической и нововременной (точнее, картезианской) традициями. Если у Вольфа (и еще более эксплицитно — у Бюльфингера) сопряжение этих двух традиций еще до некоторой степени видимо, то в компендиуме Баумгартена оно уходит в тень, подразумевается, но никак не эксплицируется.

Онтология разделяется Баумгартеном на три главы: в первых двух он трактует о *внутренних* предикатах сущего, а в третьей — о внешних или относительных. Основание, по которому Баумгартен объединяет тождественное и разное, одновременное и последовательное, причину и причиненное, а также знак и означенное в общий класс *внешних* или *относительных* предикатов сущего, не вполне очевидно. С одной стороны, понятно, что все эти атрибуты могут быть рассмотрены как соотносительные, поскольку в особенности тождественное и разное, а также причина и причиненное заключают в своем понятии некое отношение. С другой стороны, все эти виды трансцендентальных атрибутов или предикатов традиционно включались в класс *разделительных* или дизъюнктивных, который Баумгартен рассматривает во второй главе. Непосредственным основанием для подобного выделения могло послужить то обстоятельство, что Вольф посвящает последний раздел своей «Онтологии», т. е. третий раздел второй части, «соотношению сущих друг с другом», где он также рассматривает причины, знак и зависимость с отношением (а внутри отношения — тождество и различие, равенство и неравенство, подобие и неподобие¹⁹). К сожалению, Баумгартен опять же не разъясняет основания своего разделения всех общих предикатов на внутренние и внешние. Предикаты «знак и означенное» являются собственными для *протестантской* традиции школьной метафизики и не встречаются у католиков. Предположительно, подобное внимание к проблематике *знака* является следствием особой контroversности теологического истолкования таинства Евхаристии между лютеранами и кальвинистами, принудившая протестантских философов к метафизической тематизации этого понятия. Внутренние общие предикаты сущего разделяются Баумгартеном на универсальные и разделительные (дизъюнктивные) (*Metaphysica* § 6). Тема особых *разделительных* свойств сущего была введена в метафизическое обсуждение средневековой схола-

¹⁹ По-видимому, этот ряд метафизических понятий имеет своим отдаленным прототипом учение о трансцендентальных отношениях сущего в 19 дистинкции I кн. «Ординации» Дунса Скота. Мы не знаем, однако, протестантских аналогов учения об относительных или внешних трансцендентальных предикатах сущего.

стики Дунсом Скотом и позднее была одним из отличительных признаков скотистской (и шире — францисканской) традиции метафизики. В XVII в., однако, эта рубрика приобрела широкое распространение среди *протестантских* метафизиков, причем в класс разделительных атрибутов стали включать огромное количество самых разнообразных общих метафизических понятий. «Разделительные предикаты сущего» называются так потому, что *один из двух* таких предикатов необходимо предикцируется о некотором сущем, иначе говоря, любое сущее есть либо необходимое, либо контингентное и т. д. Самыми «классическими» из рассматриваемых во второй главе Баумгартеном являются разделительные пары «необходимое-контингентное» и «конечное-бесконечное». Предикаты «простое и сложное», «целое и части», «изменяемое и неизменяемое» достаточно часто встречаются у протестантских метафизиков, хотя и никогда — у католиков. «Единичное и универсальное» — не вполне равновесные понятия и чаще рассматривались как виды *единства*, хотя иногда могли включаться и в разделительные свойства сущего. Пара «субстанция и акциденция» традиционно вообще не принадлежала к классу *трансцендентальных* понятий, но является основным делением категорий, а стало быть, рассматривается в *специальной* части метафизики. Однако наиболее странным оказывается у Баумгартена включение в онтологическое рассмотрение разделительных предикатов пары «реальное-отрицательное», поскольку отрицание — это скорее противоположность сущего, чем его предикат. Лишь в ранне-кальвинистской традиции, например, у Кл. Тимплера, метафизика рассматривала «противоположное» сущему как реальному, т. е. отрицание и лишенность. Тема отрицания и лишенности (*caerentia*) также была предметом оживленных дискуссий среди иезуитов и францисканцев, но ни те, ни другие не считали их частью некоторого разделительного свойства сущего. Пожалуй, отдаленным аналогом этой пары Баумгартена является пара «возможное-невозможное» в онтологии Бюльфингера, однако у последнего она рассматривается в начале онтологии в связи с понятиями «ничто» и «сущего», а потому не является разделительным предикатом сущего в строгом смысле. С другой стороны, метафизика со времен Суареса непременно рассматривала «сущее разума» как своего рода противоположность сущему. Если пару «реальное-отрицательное» понять как «реальное сущее-сущее разума», то, по крайней мере, в метафизике Альстеда она зачисляется в особый подкласс разделительных свойств сущего. Что касается ситуации у Вольфа, то он рассматривает среди общих свойств сущего такие разделительные атрибуты (хотя и не выделяет их в особый класс), как тождество, «единичное и универсальное», а также «необходимое и контингентное», тогда как «простое и сложное», а также «конечное и бесконечное» оказываются у него основными «видами» сущего.

Первая глава онтологии Баумгартена, переведенная нами, посвящена рассмотрению внутренних *универсальных* предикатов сущего. Традиционно такие предикаты назывались обратимыми, общими или объединенными, поскольку каждый из них универсально обратим (*convertibile*) с сущим по общности: любое сущее есть истинное, благое и т. д. Эта глава может быть условно разделена на две части: первая состоит из трех первых разделов и является аналогом вольфовской «дедукции понятия сущего», а вторая трактует о традиционных трансцендентальных атрибутах сущего: одном/едином, истинном, совершенном и благом. Вольф произвел в своей онтологии одно радикальное изменение по сравнению с прежней школьной традицией: на первое место в онтологии он выдвинул учение о «принципах первой философии» (принципах противоречия и достаточного основания), из которых он далее демонстративно выводит само понятие сущего (через традиционные понятия возможного, сущности и существования). Это невиданное до того в этой форме в метафизике новшество диктуется требованиями методической рациональности, выступающей общей определенностью нововременного знания как такового²⁰. С другой стороны, Бюльфингер выстраивает первую часть своей онтологии более традиционно, а именно вокруг учения о *модалностях* — возможном, невозможном и актуальном, необходимом и контингентном²¹, лишь затем по-лейбнициански вводя через понятие *истины* принципы противоречия и достаточного основания как принцип необходимых и контингентных истин. Каков же способ изложения Баумгартена в первых трех разделах онтологии, если мы сравним его с вышеописанными? Сами разделы, если судить по их названиям, посвящены «возможному», «связанному» и «сущему», что в большей степени напоминает трактат Вольфа, однако начало с понятия «возможного» скорее соответствует Бюльфингеру и прежней школьной метафизике. Тем не менее, если мы внимательнее проанализируем содержание, заключенное в этих разделах у Баумгартена, то обнаружим явные параллели с большинством основных рубрик Вольфа. Так, о принципах Баумгартен трактует в разделе о возможном (принцип противоречия, с которого в действительности начинается все изложение в онтологии) и в разделе о связанном (принцип достаточного основания), что вполне соответствует вольфовскому первому разделу онтологии, причем, если

²⁰ См. в связи с этим анализ в статье автора о принципе противоречия у Вольфа выше.

²¹ При этом, однако, остается неясным, насколько он следует протестантской и более древней скотистской метафизической традиции (в случае если он понимает возможное и необходимое как части разделительных атрибутов сущего), либо — следует более новой «онтологии модалных статусов вещей», разворачиваемой в середине XVII в. испанскими иезуитами А. Пересом и С. Искиердо.

Вольф обходится двумя принципами, то Баумгартен умножает их число до семи. Вольфовские понятия «нечто» и «ничто» также присутствуют в первых же параграфах Баумгартена (*Metaphysica* § 7 и 8). Центральные для Вольфа понятия «определенного» и «неопределенного», а также вводимые через них понятия «определяемого» и «определения» присутствуют у Баумгартена в третьем разделе «о сущем», причем через понятие «связанного» и принципы основания и исключенного третьего «определение» связывается с возможным, реальным и рациональным (понятным). В результате, далее Баумгартен характеризует все предикаты сущего как его «определения», а именно: реальные и отрицательные, внутренние и внешние. Поскольку внутренние определения сущего разделяются на сущностные предикаты (в совокупности образующие сущность вещи) и свойства (*affectiones*), подразделяемые, в свою очередь, на атрибуты и модусы, то Баумгартен, устанавливая посредством принципов связь между всеми этими определениями, конструирует сущее как обоснованную связь внутренних определений очень похожим на Вольфа способом. В разделе «о сущем» содержится далее учение о существовании, об актуальном, привативном и вымышленном. В конце концов, в § 61 онтологии Баумгартен достигает цели своего изложения в этих трех разделах, т. е. дает своеобразную *дефиницию* понятия *сущего*, после чего, в § 63, подводит своего рода итог всего предыдущего трактата, определяя сущее через все его предшествующие предикаты. Кстати, количества и качества как внутренние определения сущего у Баумгартена также вполне соответствуют своему месту у Вольфа, который учит о них в разделе об «общих свойствах сущего», перед рассмотрением порядка, истины и совершенства. Наконец, отметим еще две особенные черты онтологического трактата Баумгартена: во-первых, тождественное и разное появляются в изложении два раза, — как дефиниция этих двух понятий в разделе о сущем (*Metaphysica* § 38), а тематически уже во внешних или относительных предикатах сущего (*Metaphysica* §§ 265–279), что крайне необычно, поскольку с Дунса Скота и почти для всей последующей традиции *тождественное* и *разное* (сюда же относится учение о видах дистинкций) — это наиболее часто обсуждаемые *разделительные* трансцендентальные свойства сущего. Во-вторых, баумгартеновское понятие *порядка* хотя и соотносится прямо с онтологическим изложением Вольфа, у которого оно также присутствует, но вообще встречается среди традиционных трансцендентальных понятий очень редко (например, среди протестантов, насколько мы знаем, только у Альстеда). Важность этого понятия для Баумгартена состоит, как мы полагаем, в том, что именно через понятие *порядка* вводятся понятия нормы, правила и *закона*, что, в свою очередь, крайне существенно для понятия трансцендентальной и метафизической *истины* (ср. *Metaphysica* §§ 89–92). Заканчивается переведенная нами глава онтологии

понятием *совершенства*, определяемого теперь через *согласие*, порядок и связь посредством достаточного основания²², а не через реальную сущность, как в прежней традиции.

Нижеследующий перевод сделан по изданию сверенного и подготовленному Э. Томасом в начале XX в. текста четвертого издания «Метафизики» Баумгартена, опубликованного в 17 томе академического «Собрания сочинений» Канта [Baumgarten 1757]. В процессе перевода и редактирования мы также активно использовали латинский текст в новейшем историко-критическом двуязычном издании (латинско-немецком) «Метафизики» Баумгартена, как и сам немецкий перевод в нем [Baumgarten 2011]. Введение Г. Гавлика и Л. Краймэндала к этому изданию оказало автору вступительной статьи огромную помощь как источник сведений о восприятии сочинения Баумгартена при жизни автора, использовании этого компендиума в немецких университетах середины XVIII в., а также о реакциях современников на стилистику «Метафизики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abbt 1780 — *Abbt Thomas*. Leben und Charakter Baumgartens // Abbt Thomas. Vermischte Werke. IV–V Theile. Hildesheim, 1978. (Репринт издания: Berlin, 1780).
- Alsted 1630 — *Alsted Johannes-Heinrich*. Encyclopaedia septem tomis distincta. Herbomae Nassoviorum, 1630.
- Baumgarten 1741 — *Baumgarten Alexander Gottlieb*. Philosophische Brieffe von Aletheophilus. Frankfurt, 1741 [Цитируется как: Baumgarten 1741, с указанием номера письма и страницы.]
- Baumgarten 1757 — *Alexandri Gottlieb Baumgarten*, Professoris Philosophiae Metaphysica. Editio IV. Halae Magdeburgicae. Impensis Carol. Herman. Hemmerde, 1757. // Kant Immanuel. Gesammelte Schriften. Herausgegeben von der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Band XVII. Dritte Abtheilung: Handschriftlicher Nachlaß. Bd. IV: Metaphysik. Erster Theil. Berlin; Leipzig, 1926. S. 5–226. [Цитируется как: Baumgarten 1757, с указанием страницы предисловий, либо как Metaphysica, с указанием номера параграфа.]
- Baumgarten 1766 — *Alexander Gottlieb Baumgartens*, Professors der Philosophie, Metaphysik. [Перевод на немецкий — Георга Фридриха Майера.] Halle im Magdeburgischen: verlegt von Carl Hermann Hemmerde, 1766.

²² Подобное определение явно ориентировано на некоторую рациональную и согласованную понятность мира, который, как мы помним, по Баумгартену — вслед за Лейбницем, — наилучший, т. е. наиболее совершенный.

- Baumgarten 2011 — *Baumgarten Alexander Gottlieb*. *Metaphysica*. Historisch-kritische Ausgabe / Übers., eingel. und hrsg. von Günter Gawlick und Lothar Kreimendahl. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2011.
- Bilfinger 1746 — *Bilfinger Georg Bernhard*. *Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo, et generalibus rerum affectionibus*. Editio III. Tubingae: Cottae, 1746.
- Calov 1640 — *Calov Abraham*. *Metaphysica divina*. Rostochii, 1640.
- Cartesius 1644 — *Cartesius Renatus*. *Principia Philosophiae // OEuvres complètes de Descartes / Publiées par Charles Adam et Paul Tannery*. Paris, 1897 ff. T. VIII, 1905 (Репринт первого издания: Amsterdam, 1644). [Цитируется как «АТ VIII», с указанием страницы.]
- Cassirer 1973 — *Cassirer E.* *Die Philosophie der Aufklärung*. 3. Aufl. Tübingen, 1973.
- Casula 1973 — *Casula M.* *La metafisica di A. G. Baumgarten*. Milano, 1973.
- Gawlick/Kreimendahl 2011 — *Gawlick G., Kreimendahl L.* *Einleitung // Baumgarten Alexander Gottlieb*. *Metaphysica*. Historisch-kritische Ausgabe / Übers., eingel. und hrsg. von Günter Gawlick und Lothar Kreimendahl. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2011. S. IX–LXXXVII.
- Goldenbaum 2008 — *Goldenbaum U.* *Lessing ein Wolffianer? // Christian Wolff und die Europäische Aufklärung. Akten des 1. Internationalen Christian-Wolff-Kongresses, Halle (Saale), 4.–8. April 2004 / Hrsg. v. Jürgen Stolzenberg und Oliver-Pierre Rudolph*. Band 4. Hildesheim: Olms, 2008. S. 267–281.
- Kant 1900 ff. — *Kant Immanuel*. *Gesammelte Schriften / Hrsg. v. d. Königlich Preußischen Akademie d. Wissenschaft*. Berlin, 1900 ff. [Цитируется как «АА», с указанием тома и страницы.]
- Leibniz 1990 — *Leibniz Gottfried Wilhelm*. *Sämtliche Schriften und Briefe*. Herausgegeben von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Reihe VI. Philosophische Schriften. Band 1. Akademie Verlag: Berlin, 1990 (Репринт первого издания: Darmstadt, 1930).
- Ludovici 1738 — *Ludovici Carl Günther*. *Ausführlicher Entwurf einer vollständiger Historie der Wolffischen Philosophie*. Band III. Hildesheim: Olms, 1977 (Репринт издания: Leipzig, 1738).
- Martini 1605 — *Martini Cornelius*. *Compendium metaphysicum*. Straßburg, 1605.
- Meier 1763 — *Meier Georg Friedrich*. *Alexander Gottlieb Baumgartens Leben*. Halle, 1763.
- Nicolai 1799 — *Nicolai Friedrich*. *Über meine gelehrte Bildung, über meine Kenntniß der kritischen Philosophie und meine Schriften dieselbe betreffend, und über die Herren Kant, J. B. Erhard, und Fichte*. Bruxelles, 1968 (Репринт издания: Berlin, 1799).
- Oberhausen/Pozzo 1999 — *Oberhausen M., Pozzo R.* *Einleitung der Herausgeber // Vorlesungsverzeichnisse der Universität Königsberg (1720–1804)*. Band 1. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1999.

- Scharf 1655 — *Scharf Johannes*. *Metaphysica exemplaris seu Prima philosophia*. Wittenbergae, 1655.
- Schwaiger 2011 — *Schwaiger C.* Alexander Gottlieb Baumgarten — ein intellektuelles Porträt. Studien zur Metaphysik und Ethik von Kants Leitautor. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, 2011.
- Stahl 1686 — *Stahl Daniel*. *Compendium Metaphysicae in XXIV. tabellas redactum*. Jenae, 1686.
- Wolff 1736 — *Wolff Christian*. *Philosophia prima, sive Ontologia, methodo scientifica pertractata, qua omnis cognitionis humanae principia continentur* // Wolff Ch. *Gesammelte Werke*, II.3. Hildesheim, 1977 (Репринт издания: Frankfurt; Leipzig, 1736). [Цитируется как «Ontologia», с указанием параграфа.]